

Работая в многотиражной, а потом и районной газетах, я внештатно сотрудничал с "Орловской правдой". Обычно приходил в отдел сельского хозяйства, где трудились мои ровесники А. Бахтин и Ю. Трошин.

ГЛАВНЕЙ В СЕГО ПОГОДА В ДОМЕ

К 90-ЛЕТИЮ "ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЫ"

Истинные газетчики-профессионалы, они дополняли друг друга. Заведующий отделом А. Бахтин никогда не лез за словом в карман, любил обсудить с собеседником злободневную экономическую тему (в этой отрасли он был опытным специалистом и чувствовал себя как рыба в воде). Литсотрудник Ю. Трошин по праву считался одним из лучших стилистов редакции, а за время общения произносил всего одну-две фразы: "Ты молодец, понимаешь" или "Ты здесь накрутил, понимаешь". Признаком: именно Трошин оказал на меня самое сильное влияние, стал моим персональным редактором.

При очередном посещении отдела я услышал от Бахтина заманчивое предложение: редакции требуются сборщики, корреспонденты на местах, нет ли у меня желания поработать на "Орловскую правду". Размышляя я не стал, и мы с Алексеем отправились в кабинет редактора.

За столом сидел молодой седовласый мужчина. Раньше я несколько раз видел Сергея Владимировича на различных совещаниях журналистов, а беседовать с ним довелось впервые. Обратил внимание на его умные, везелье и одновременно лукавые глаза. Они, словно рентгеном, просветили меня, вопрошая: посмотрим, что ты за гусь, на что ты способен.

Бахтин представил меня. В ответ мы услышали: "Не возражаю. Пусть завтра же и приступает". Обратившись к новому сотруднику, редактор предупредил: види, мол, себя скромнее и аккуратнее в командировках, не расслабляйся, сам понимаешь, о чём я говорю.

Так начался новый этап моей жизни. Без преувеличения скажу: самый интересный, ответственный, значимый.

Одним из первых материалов явились заметки о формализме в организации соревнования среди механизаторов Залегощенского района. Жалоба на эту тему поступила в редакцию в сентябре, когда трактористы были заняты на вспашке зяби. После опубликования статьи мне стало известно, что первый секретарь райкома выразил крайнее недовольство моим выступлением, которое "прославало" его на всю область. И тем не менее "пилюлю" ему пришлось проглотить. Замечу, кстати, что за 20 лет работы ни одно моё критическое выступление на страницах "Орловской правды" не было признано субъективным, ошибочным, тенденциозным, хотя попытки опровергнуть изложенные мною факты и выводы, конечно же, предпринимались не раз. Разобравшись в той или иной ситуации, редактор решительно принимал сторону своего собора. Однажды он сказал:

— Мне звонили из Новодеревянского района. Ты там учил разное, ударил кулаком по столу в кабинете первого секретаря.

— Вы этому верите? — спрашиваю шефа.

— Нет.

— В таком случае и говорить не о чем.

— Согласен.

Великое это дело — взаимное уважение, доверие. До сих пор с

удовольствием вспоминаю подобные встречи и беседы с редактором. Приезжаю как-то в редакцию, а в коридоре мне навстречу идёт Коробков. Поздоровались, и Сергей Владимирович спрашивает:

— Жень, как дела? (За все годы совместной работы редактор ни разу не обратился ко мне по имени-отчеству или по фамилии — только Жень.)

— Нормально.

— Сколько комнат в твоей квартире?

— Две.

— Положено три. Я уже говорил с руководителями района, и они со мной согласились. Отнеси им заявление на улучшение жилищных условий.

Через несколько дней — новая встреча с редактором.

— Отнёс заявление? — спрашивает Сергей Владимирович.

— Нет, не вижу необходимости: моя семья состоит из трёх человек.

— Твоя квартира одновременно должна быть корреспондентским пунктом "Орловской правды" в Верхове, — пояснил Коробков. — В отдельном кабинете будешь принимать посетителей, работать. Завтра же отнеси заявление.

Жилищные условия моей семьи улучшились. Кстати, посетители обращались ко мне в корпункт не только из Верховья, но и приезжали из соседних районов.

Каждый из нас в любой момент мог на равных поговорить с руководством: редактором С. Коробковым, его заместителями А. Логутковым, Н. Сафроненковым. Ежеквартирно мы отчитывались о проделанной работе. Чаще всего собирались в кабинете шефа соборов А. Логуткова. С нас никогда, как говорится, не снимали стружку, не читали нам мораль, наоборот, проявляли такт и даже деликатность. Образцом для всех, естественно, был редактор с его доброжелательностью, человечностью.

Часто Сергей Владимирович и сам приглашал на беседу в свой кабинет. Однажды он обратился ко мне с просьбой:

— Жень, нет ли у тебя на примете толкового парня на должность собора или литсотрудника в отдел?

— Есть, — отвечаю.

— Пусть пришлёт мне несколько материалов. Думаю, можешь раскрыть ему карты, однако ничего определенного заранее обещать нельзя.

Скоро в "Орловской правде" было опубликовано несколько материалов знакомого мне сотрудника районной газеты (назову его Андреем). Сергей Владимирович обеспечил им зелёную улицу, и я порадовался за своего протеже. Однако время шло, а Коробков не приглашал его на беседу по поводу работы. Пришлось мне самому проявить инициативу и задать этот вопрос редактору.

— Пишет он легко, на хорошем уровне, — пояснил Сергей Владимирович. — Однако меня настораживает, что твой знакомый не ува

жает людей, смотрит на них свысока, рубит сплеча. Он может наломать дров.

Изучая материалы Андрея, редактор таким образом не только определил его профессиональные качества, но и сумел взглянуть ему в душу. Из бесед с общими знакомыми я узнал, что мой приятель состоит на учёте у психиатра. Отсюда и его срывы и "заскоки" в отношениях с людьми, что, впрочем, не мешало ему неплохо справляться с обязанностями районного газетчика.

Удивительную прозорливость, дар предвидения проявил Коробков и в другом случае, когда обкомский сектор печати угрозил меня возродить местную газету во вновь образованном Краснозоре районном районе. Несколько претендентов на должность редактора, побывав в Красной Заре и ознакомившись с обстановкой, категорически отказались от этого поручения. Дело в том, что начинать приходилось с нуля: надо было собрать коллектив, подготовить помещение — провести капитальный ремонт заброшенного дома, решить другие хозяйственные проблемы. Я согласился рискнуть, проверить себя в новом деле. Оставил редактору заявление на увольнение.

Беседа с Коробковым по этому поводу состоялась при очередной нашей встрече. Сергей Владимирович проявил настойчивость.

— Жень, почему ты увольняешься, чего тебе не хватает?

— Транспорта, — отвечаю. —

Надоело ходить пешком по четырём районам, выпрашивать машину для поездок у районного руководства.

— Если осилишь, — говорит редактор, — могу помочь тебе в приобретении тяжелого мотоцикла.

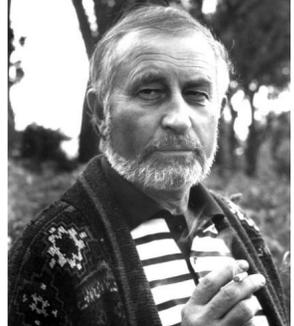
— Извините, Сергей Владимирович, но поезд уже ушел, выбор сделан. На новом месте мне пообещали две легковые машины: одну для рабочих поездок, вторую для доставки материалов в Верховскую типографию.

— Я не имею возможности обеспечить тебя транспортом, — редактор подписал моё заявление. — Желая удачи на новом месте. Одно могу сказать: боюсь, у тебя возникнет конфликт с Краснозоро-райкомом партии. Разрешить его самостоятельно ты не сможешь, и поэтому я буду ждать тебя два года, замену посылать пока не буду.

Признаюсь, я не ожидал такого внимания к собственной персоне. Расстались мы по-доброму. Если не обидится Сергей Владимирович, скажу и так: по-товарищески.

Сначала я не придал значения предсказанию редактора, а ведь оно оправдалось с точностью до нескольких дней. Моим непосредственным руководством стали бывшие третий секретарь и заведующий отделом пропаганды райкома партии. Их командирский тон, чрезмерная амбициозность стали непреодолимой преградой к нашему взаимопониманию. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, явилось постановление бюро райкома партии, в котором несправедливо говорилось о безответственном отношении редактора к своим обязанностям. Я окончательно понял, что с тем руководством Краснозоро-райкома я не могу и не буду сотрудничать.

Сначала я не придал значения предсказанию редактора, а ведь оно оправдалось с точностью до нескольких дней. Моим непосредственным руководством стали бывшие третий секретарь и заведующий отделом пропаганды райкома партии. Их командирский тон, чрезмерная амбициозность стали непреодолимой преградой к нашему взаимопониманию. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, явилось постановление бюро райкома партии, в котором несправедливо говорилось о безответственном отношении редактора к своим обязанностям. Я окончательно понял, что с тем руководством Краснозоро-райкома я не могу и не буду сотрудничать.

ПИШУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЕ

Алексей Супонев родился в русской землянке десятым ребенком в семье плотника, приехавшего на товарняке из Берлина, и крестьянки, с тремя детьми пешком пришедшей из фашистской неволи в Белоруссии...

Почти вся трудовая деятельность А. Супонева связана с профсоюзом сельских тружеников Орловщины, чьи нелегкие самобытные судьбы он пытается отразить в трех книгах, двух поэтических альманахах, двух коллективных сборниках, вышедших в Москве, Туле, Орле. Супонев — дипломат областного творческого конкурса, посвященного 60-летию освобождения г. Орла от немецко-фашистских захватчиков. Включен в литературный словарь "Орел". Заканчивает работу над воспоминаниями "Уходят люди из Большого Лога" — о родных и близких, друзьях и земляках, ушедших навсегда.

Вот и отец из сада вышел, Совсем седой. Сел у крыльца. Наверно, цвет весенних вишен Осыпал голову отца...

Сейчас закурит и расскажет, Что посплет в каком году. Он знает все про кустик каждый, Про ветку каждую в саду.

Он их спасал, пройдя полсвета Сквозь ад последней мировой... О чём-то тонко шепчет ветка Над белой-белой головой...

НЕИСПЕРЧАЕМОЕ НЕБО

Светлой памяти родившегося в Советском Союзе, ушедшего в Америке, похороненного в России русского композитора Александра Крепких

Он никогда и в мыслях не был плохим и злым. Неисчерпаемое небо теперь над ним...

Щекочут воздух соловьи, кукушка вставит слово — Непрожитые дни твои считает снова...

Родина малая... С Красной горкою, с тёмною влагою по зеленам... Что в этом душном и каменном городе, что нужно нам?

Родина млadá... С рощами белыми утром в туманной росе... Ты-то скажи нам: ну что же мы делаем? Или с ума походили мы все? Что ж покидаем мы матерью-землицу, светлую дажку в своей горестной час, ту, что всю жизнь в нашей памяти длитесь,

по-матерински жалеючи нас...

УРОК КУЛЬТУРЫ ПРОСВЕТИТЕЛИ НАРОДОВ

В канун Дня славянской письменности и культуры библиотеками Болховской центральной районной библиотеки был проведен урок культуры в местном педагогическом колледже под названием "Просветители народов". Перед студентами выступила Е.Е. Красноперова. Она интересно рассказала о возникновении славянской азбуки, её составителях и первых переводчиках Библии на славянский язык братьях Кирилле и Мефодии.

Вторая часть творческого урока была посвящена просветителю народов Алтая, а в последние годы жизни настоятелю Болховского Оптина монастыря преподобному архимандриту Макарию Глухареву (1792 — 1847). В августе 2000 года он был канонизирован на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви. Более чем за пятнадцать лет своего миссионерского служения он обратил в христианскую веру 20 тысяч алтайцев (из 35 тысяч). Переводы священных книг стали одним из важнейших направлений деятельности этого выдающегося миссионера.

Л. ФАРАФОНОВА.
А. ЛУЦЕНКО.

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ ПРОКУРАТУРОЙ

Военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа в соответствии с Законом РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года проведена работа по реабилитации лиц, незаконно подвергшихся политическим репрессиям. Среди реабилитированных имеется ряд уроженцев Орловской области (по административно-территориальному делению на соответствующий период), список которых публикуется. Военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа разъясняет, что эти лица, а также их дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей, в соответствии с указанным выше законом и определением Конституционного суда Российской Федерации № 103-0 от 18 апреля 2000 года признаются жертвами политических репрессий. Для получения справки о реабилитации необходимо обратиться в военную прокуратуру СКВО по адресу: 344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 72-а.

Для подтверждения родственных связей с репрессированными к заявлению необходимо приложить нотариально заверенную копию свидетельства о рождении, а при изменении фамилий — свидетельства о браке.

Имя	Год рождения	Место рождения
Тарабанов Афанасий Семенович	1907	с. Могилевцы, Климовский район
Чихарев Тарас Кузьмич	1897	с. Красный Колодец, Брасовский р-н
Чумин Федор Терасимович	1907	с. Коваличи, Брянский р-н
Шапиро Исак Яковлевич	1918	г. Клиницы
Дошатов Александр Егорович	1917	г. Людиново
Яковлев Иван Иванович	1906	г. Трубовск
Тимонин Павел Степанович	1908	д. Покровская, Свердловский р-н
Писарев Алексей Иванович	1913	д. Шелонка, Должанский р-н
Рыжков Василий Владимирович	1921	Дубровский р-н
Леденев Алексей Захарович	1916	с. Черново, Измалковский р-н
Руденко Борис Семенович	1912	д. Голобовка, Клиньковский р-н
Орлов Валерий Дмитриевич	1896	с. Маминино, Ливенский р-н
Николиничев Тихон Алексеевич	1903	с. Кунач, Ливенский р-н
Бахтин Алексей Дмитриевич	1910	с. Казанское, Ливенский р-н
Перелыгин Николай Иванович	1916	с. Лобаново, Орловский р-н
Алисов Алексей Данилович	1900	с. Екаториновка
Захаров Дмитрий Михайлович	1906	с. Казанское
Киреев Виктор Павлович	1921	с. Салтановка
Калашников Егор Титович	1888	с. Тарасовка
Ларионов Степан Семенович	1903	с. Хохловка, Климовский р-н
Калинин Тихон Иванович	1897	г. Карачев
Прошкин Сергей Дмитриевич	1905	с. Дурново, Ульяновский р-н
Петрыкин Петр Павлович	1913	г. Елец
Матросов Петр Григорьевич	1922	с. Артемово
Ревнивецкая Александра Федоровна	1902	с. Лебедки

ТИХИЙ ОКЕАН

Однажды я познакомился с человеком, который заинтересовал меня своим рассказом об Австралии.

— Позади у меня была служба в ГДР, работа на БАМе, — говорил он, — а впереди — бесконечный Тихий океан.

Я слушал Сергея и представлял высокие волны, чаек, морячков, необитаемые острова... Он оказался хорошим собеседником.

— Что же ты искал в океане? — спросил я.

— А то и искал, что было всего в ста метрах от моего дома...

— И что же это? — спросил я.

— Церковь...

Его поседевшие волосы блестели на солнце, а я, отпив глоток кофе, спрашивал уже самого себя: мне знакомы многие религии, но услышу ли я когда-нибудь, как шумит Тихий океан?

"РУССКИЙ БРОД"

Утро было тёплым и свежим. Приехал к брату, я попросил его, чтобы он показал мне красивые крымские места. И вскоре мы поехали в горы.

— Какие обычно... — сказал я, когда мы сидели на вершине.

Лёгкая дымка поднималась над персиковым садом, а вдалеке виднелось Чёрное море.

— И всё-таки это не то... — ответил мне брат.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. Но он промолчал...

Когда мы спустились с горы, Юра повёл меня вдоль реки, едва заметной среди зарослей. Неподдалёку от посёлка они расступались.

— Помнишь ту берёзку, которую я привёз из Орла? — спросил я.

— Так вот она... Местные мужики это место из-за неё стали называть "русским бродом"...

Больше нигде в посёлке я не встречал берёз, и, наверное, теперь только она напоминает моему брату о родине.

АКТРИСА И НЕУЧ

В начале осени Николай познакомился с Мариной. Было ещё по-летнему тепло, и

ЗА ПШЕНИЧНЫМ ПОЛЕМ (МИНИАТЮРЫ)

сентябрьское солнце, застывая на щетинках сосен, кружило голову. Пахло сгоревшей травой и яблоками.

— Кем бы ты хотела стать?.. — спросил как-то Николай.

— Актрисой...

— А я после ПТУ буду в сельхоз поступать...

— Значит, был неучем и останешься им... — засмеялась Марина и отвернулась.

Летом она стала студенткой института культуры, а Николай сдал экзамены в сельскохозяйственную академию. Вскоре из-за разных интересов они расстались.

Прошло восемь лет. Николай получил степень кандидата технических наук и начал преподавать...

Однажды он зашёл в продуктовый магазин на Комсомольской улице и остановился у прилавка, увидев Марину в белом фартуке.

— Какие люди в Голливуде... — сказала она, сверкая карими глазами.

Но Николай, с иронией посмотрев на неё, ответил:

— Я не учился на актёра, чтобы быть в Голливуде...

Покупатели засмеялись, а Марина, бросив мелочь в кассовый аппарат, проводила его взглядом до двери.

ДИКИЕ ГОЛУБИ

В развалинах монастыря под самым куполом ворковали голуби. Раздались вы-

стрели. Бросив на землю горсть черёмухи, я обернулся.

— Опять ты, сволочь, голубей стреляешь!.. — взлетел истошный женский крик над кустами.

— Бабка!.. Они же дикие!.. — заорал в ответ мужчина.

— Эх, Василий, дурак ты... Пацана своего чему зря учишь...

— Ну и что... Бабушка Нюра, опираясь на костыль, села на завалинку и заплакала. По тропинке тянулся кровавый след, и сизые перья летали над подорожником.

— Пап, — удаляясь за поворотом весёлый детский голос, — посмотри!.. Какая дыра в груди. Три пальца входит...

Через десять лет случилось у Василиха горе... Его сын, возвращаясь в лагерь, наступил на чешенскую мину.

Красный гроб, появившись у калитки, поплыл над толпой, и чёрные платки замелькали вдоль развалин кирпичной стены.

— Наказал Господь Василиха... — вытирая слёзы, повернулась ко мне бабушка Нюра, — но тех, кто его сына убил, он ещё сильнее накажет.

Я медленно пошёл вслед за толпой, и над пшеничным полем вскоре встали кресты нового городского кладбища.

Андрей ШЕНДАКОВ.
г. Орел.